

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-28-36

Литературная критика и антропософия Андрея Белого:
Ф.М. Достоевский в трактате
«История становления самосознющей души»

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена литературно-критическим текстам Андрея Белого (Б.Н. Бугаев), в которых он анализировал творчество Ф.М. Достоевского. Белый писал о творчестве классика на протяжении всей жизни, но в статье освещается только его поздний антропософский трактат «История становления самосознющей души». В этом трактате автор, с одной стороны, новаторски использует в литературной критике антропософскую методологию, а с другой стороны, остается верен своему пониманию Достоевского.

Ключевые слова: Андрей Белый (Б.Н. Бугаев), «История становления самосознющей души», литературная критика, антропософия, Ф.М. Достоевский

Для цитирования: Одесский М.П. Литературная критика и антропософия Андрея Белого: Ф.М. Достоевский в трактате «История становления самосознющей души» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 28–36. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-28-36

Andrey Bely's literary criticism and anthroposophy.
Fyodor Dostoevsky in the treatise
“History of the Formation of a Self-Conscious Soul”

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article deals with the literary-critical texts of Andrey Bely (Boris Bugaev), in which he analyzed the work of Fyodor Dostoevsky. Bely wrote about the classic's work throughout his life, but the article highlights

© Одесский М.П., 2022

only his late anthroposophical treatise “History of the Formation of a Self-Conscious Soul”. In that treatise the author, on the one hand, innovatively uses the anthroposophical methodology in literary criticism, and on the other hand, remains faithful to his understanding of Dostoevsky.

Keywords: Andrey Bely (Boris Bugaev), “History of the Formation of a Self-Conscious Soul”, Literary Criticism, Anthroposophy, Fyodor Dostoevsky

For citation: Odesskii, M.P. (2022), “Andrey Bely’s literary criticism and anthroposophy. Fyodor Dostoevsky in the treatise ‘History of the Formation of a Self-Conscious Soul’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 28–36, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-28-36

В качестве литературного критика Андрей Белый, с одной стороны, на протяжении всей жизни постоянно демонстрировал верность «вечным спутникам», писателям, мыслителям, а с другой – столь же постоянен был в изменчивости оценок.

Среди «вечных спутников» – Ф.М. Достоевский. Что предсказуемо: современники Белого вообще были заморожены Достоевским, стремясь интерпретировать его творчество в согласии с новыми спиритуальными веяниями. Парадигматическим здесь может считаться исследование Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», и закономерно, что одно из первых выступлений Белого в периодике – эмоциональное эссе, озаглавленное «По поводу книги Д.С. Мережковского» («Новый путь», 1903).

Эволюция отношения Белого к Достоевскому была прослежена в статьях А.В. Лаврова [Лавров 1988] и А.И. Чинковой [Чинкова 2000]. Сославшись на их наблюдения, правомерно выделить статью «Ибсен и Достоевский» (в рукописи зачеркнуто заглавие «Достоевский»; опубликована в журнале «Весы», 1905; включена в сборник «Арабески»), где автор напористо критиковал сочинения Достоевского («мещанство, трусливость и нечистота, выразившаяся в тяжести слога – вот отличительные черты Достоевского» и т. д.) и заостренно противопоставлял ему норвежского драматурга: «Не пора ли нам проститься с такой широтой, подобраться, сузиться и идти по горному пути, где стоит одинокой образ Генрика Ибсена?»¹ Ибсена, который – в отличие от Достоевского – имеет право претендовать на роль духовного вождя современности. Статья шокировала единомышленников

¹Белый Андрей. Собр. соч. Т. 8: Арабески. Луг зеленый / Общ. ред., коммент. Л.А. Сугай. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012. С. 74, 81.

Белого: А.В. Лавров цитировал письмо Мережковского, который «буквально заклинал его “образумиться” во имя священных для них обоих ценностей» [Лавров 1988, с. 141].

К концу первого десятилетия века – на новом витке миропонимания – Белый-критик дал нового Достоевского. В статье «Россия» (газета «Утро России», 1910), проникнутой, по Лаврову, «“почвенническими” тяготениями» [Лавров 1988, с. 148], Белый, осмысливая общую судьбу России, развивал тезис: «России нет. Россия есть»². В такой перспективе Достоевский снова показан пророком:

И этому видению говорит Достоевский свое «*Буди, буди*» (аллюзия на «Братьев Карамазовых». – М. О.). Не говорит: «*Ты – еси*», потому что видит вокруг *Скотопригоньевск* в мареве *бесовщины*, облитый карамазовской грязью. Он говорит России: «Буди!» России нет, но она – будет <...>. Только тогда, когда исчезнет больная Россия, мы сможем превратить лозунг Достоевского «Буди» – в ликующий новый лозунг: «Есть»³.

Позитивную интерпретацию Достоевского – в «почвенническом» ракурсе – Белый развернул в специальной брошюре 1911 г. «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой»: «Дорога большая, прямая, светлая, хрустальная – дорога России для Достоевского; и земля, по которой ступает пророческая история наша, для него – святая земля»⁴. Творчество Достоевского для Белого противоречиво, но его оправдание – в конгруэнтности творчества писателя-пророка судьбам самой России. По словам Лаврова, «именно этот аспект приближает Достоевского к Белому в его искании “пути жизни”» [Лавров 1988, с. 150].

Однако степень позитивного «приближения» необходимо уточнить. Прежде всего в брошюре 1911 г. Достоевский концептуально функционирует как элемент триады «Гоголь – Достоевский – Толстой», объединяющей не просто «вечных спутников», но писателей, которые прорывались из литературы в проповедь и жизнь (триада фигурировала в статье 1909 г. «Гоголь» и др.). Более того, в этой триаде не все фигуранты равно значимы. Толстой, говоря упрощенно, – значимей:

²Там же. Т. 16: Несобранное. Кн. 1 / Сост. А.В. Лавров, ДЖ. Малмстад; подг. текста, комментарии А.В. Лавров. М.: Дмитрий Сечин, 2020. С. 450.

³Там же. С. 449, 452.

⁴*Белый Андрей*. Критика. Эстетика. Теория символизма / Сост. А.Л. Казин. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 404.

Толстой – Толстой озадачивает нас поступком, перед которым меркнут чудачества Гоголя и Достоевского <...>. Этот ныне Толстым освещенный жест гениальности (имеется в виду предсмертное бегство из Ясной Поляны. – М. О.) есть та темная точка в гении, приближение к которой убило Ницше, свело Гоголя в могилу и искалечило жизнь Достоевского. Приближение к последней тайне художественного творчества производило взрыв. И только в Толстом просияла эта темная точка гениальности светом ясным и благодатным. <...> И последний творческий жест Толстого есть первое его религиозное действие, первый луч восходящего над русской землей солнца жизни⁵.

Иными словами, сопоставление – не в пользу Достоевского: в статье 1905 г. Белый жестко отдал предпочтение Ибсену, а в брошюре (хотя и принципиально мягче) – Толстому.

А.И. Чинкова, дополняя и продолжая исследование А.В. Лаврова, который остановился на брошюре 1911 г., сосредоточилась на позднем Белом, уделив преимущественное внимание – совершенно справедливо – «достоевской» главке двухтомного трактата «История становления самосознающей души» (ИССД; конец 1925 – 1931 гг.). В 2000 г. Чинкова опиралась на копию, хранящуюся в московской мемориальной квартире Андрея Белого. Сейчас, когда после многолетней подготовки ИССД была, наконец, издана полностью и по автографу (серия «Литературное наследство»)⁶, целесообразно вернуться к анализу этого текста как литературно-критического выступления Андрея Белого о творчестве Достоевского.

* * *

ИССД – грандиозный по объему и охвату материала трактат, посвященный историософскому осмыслению культуры: с начала нашей эры, совпадающего с импульсом Христа, и до современности. Белый суммирует многие темы, которыми ранее занимался (Р. Вагнер, Ф. Ницше, теософия, А. Шопенгауэр, И. Кант, символизм), но дает их в антропософской аранжировке, несколько затрудняющей чтение «непосвященным». В том числе одна главка посвящена «русскому реализму, Гоголю и Достоевскому», а следующая за ней и более пространная – Льву Толстому.

Автор трактата, следуя теософской традиции и своему учителю Р. Штейнеру, выделяет семь «частей» человека, т. е. три тела:

⁵Там же. С. 396, 420.

⁶*Белый Андрей. История становления самосознающей души. Кн. 2 / Сост., подгот. изд.; подгот. текста и коммент. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь. М.: ИМЛИ РАН, 2020. (Литературное наследство, т. 112)*

физическое, эфирное, астральное; четвертая «часть» – душа; три духовных «части»: Манас, Будхи, Атма. Эта же семерка означает семь «фаз» развития человека: собственно «я» корректно отсчитывать с «человека душевного», поэтому становление «я» начинается с четвертой фазы.

Соответственно, следующие фазы развития «я» – фазы духа, а то, что происходит с человеком до четвертой фазы, – до-сознательно. Оно не знает кризисов и есть просто поступательное движение «вверх». Напротив, начиная с четвертой фазы поступательное движение прерывается периодическими кризисными падениями, каждое – глубже и опасней предыдущего; обретение Манаса (пятая фаза) достигается путем своеобразного возвращения и «переработки» астрального тела (третья фаза); способность к Будхи (шестая фаза) достигается путем переработки эфирного тела (вторая фаза); способность к Атма (седьмая фаза) – путем переработки физического тела (первая фаза), затем – финал, кризисы более не планируются: «Вот ритмическая кривая “7 фаз” (в чем угодно)»⁷. «В чем угодно» – имеется в виду: от периодической таблицы Д.И. Менделеева⁸ до всеобщей истории. Что и реализовано в *ИССД*: «Мой краткий намек на сочинение в 600 страниц – раскрытие этой же линии, как ритма истории»⁹.

Поскольку субъект, проходящий путь развития в согласии с «кривой истории» – и отдельный человек, и все человечество, постольку теперь семь фаз – это уже семь культурных эпох, в которые господствуют соответствующие «части».

В свою очередь, душа включает три «части»: душа ощущающая, рассуждающая и самосознающая. Импульс Христа приходится – после трех «телесных» фаз и фазы ощущающей души – на эпоху души рассуждающей: в ее недрах происходит генезис и становление самосознающей души, а высшая точка развития самосознающей души – Ренессанс, после которой начинается переход в «фазы» духа.

До Ренессанса – прошлое; с Ренессанса отсчитывается «наше время». Оно характеризуется кризисным сломом, когда самосознающая душа человечества опускается из сферы душевного и встречается с астральным телом. Нижний предел исторического падения – «XX век».

Также «историческая кривая» прогнозирует будущее. После катастроф «XX века» линия снова поднимается: к будущему

⁷ Там же. С. 643.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 645.

прорыву в «духовного человека», к новым культурным эпохам и новым падениям (которые обусловлены переработкой эфирного и физического тел), – падениям, снова глубже предыдущих; и только потом, наконец, наступит финальная фаза Атма.

При подобном понимании драматические коллизии «нашего времени» коренятся в «переработке» астрального тела, которую осуществляет самосознающая душа человечества и которую Белый подробно анализирует во втором томе ИССД; этот подход дает и новый интерпретационный ключ к Достоевскому.

Специфичная для всего русского реализма обращенность к быту и вещиности теперь прочитывается как изображение телесности – не элементарно-физической, но душевно-астральной.

Отсюда центральное значение символа бани с пауками («Преступление и наказание»), который Белый интерпретирует как «премудрое и препрактичное осознание: “*бани*” – дано в “*баню*”, или – в астральное тело, при всем отвращении нашем к паучьему быту, при всей нашей гордой, душевной гадливости, – надо войти»¹⁰. Жестокий психологизм Достоевского, по-прежнему вызывающий «гадливость», превращается в необходимое условие очищающей «переработки» астрального тела. Хотя в настоящем персонажи Достоевского одержимы разнонаправленными страстями, а их отношения образуют комплексный контрапункт (пресловутые «двойники»), но в перспективе будущего духовного подъема они составляют цельный индивидуум, которому предстоит реализоваться на новом уровне развития человечества.

Отсюда реактуализация другого символа – церковнославянского глагола «буди» (будет!):

<...> вскрытие «*буди*» – конкретное и многослойное – сумма томов Достоевского, или в принципе правильное разрешение всех антиномий столетия: линии будущей умственной жизни <...>, через градации разных решений дуальности, кризиса столкнутости «Я» с «*астралом*»¹¹.

Если, согласно «почвеннической» версии (в статье «Россия»), слово «буди» символизирует пророчество Достоевского о судьбах России, то в ИССД (где русская тема отодвинута на второй план) оно – по-прежнему ключевое – символизирует прорыв всего человечества через астральные испытания к духу.

¹⁰ Там же. С. 160.

¹¹ Там же. С. 168.

Новое, мистическое понимание романов Достоевского и сущности русского реализма суммируется в финальном выводе главки: «*реализм*» Достоевского в том, что в нем нет никакой твердой *“вещи”*: нет *“res”* (лат. «вещь». – М. О.); он – динамика самопознания нашего»¹².

Вместе с тем – при всей очевидной антропософской новизне – столь же очевидна верность Белого константам его интерпретации Достоевского: от символа «буди» и привязанности к давней книге Мережковского (она не упоминается, но большинство текстуальных примеров взято из нее) до триады «Гоголь – Достоевский – Толстой», где Толстой выходит весомей:

Отличие Толстого от *«буди»*, в котором заострен вопрос о путях Достоевским, – существенно: молния, зигзаг, эпилепсия, мистика мига, прозор; да, прекрасно: а после? <...> таков Достоевский; ну да, – Апокалипсис будет; <...> но, пока-то; – «пока»; <...> после – следует жизнь; и читатель бежит в Департамент; спешит Достоевский в редакцию. <...> Для Толстого же с мига, когда *«Апокалипсис»* двинется в тему беседы <...> – нет возвращенья в редакцию. <...> Не теряя минуты – всем взяться за дело: *«постройки ковчега»*. <...> В разрезе Толстого, с момента вступления *«кризиса»* в поле сознания, прочее – нуль <...>¹³.

Отмечу в заключение: по свидетельству любящей и понимающей вдовы К.Н. Бугаевой, «в искусстве слова к безусловно прекрасно-доброму он относил прежде всего: Пушкина, Толстого, Диккенса <...>, Шекспира <...>»¹⁴.

Достоевского в списке Белого-читателя нет.

* * *

Итак, Белый-критик вписывает Достоевского в различные мировоззренческие модели: «с» Мережковским и «против», «почвенничество», антропософия. Однако каждый раз – не окончательно: так, если в ИССД Белый вмонтировал символизм в антропософию, то в эссе «Почему я стал символистом» (созданном одновременно с ИССД!) – антропософию в символизм и т. д. И это – не капризы и даже не эволюция мировоззрения, но осо-

¹² Там же. С. 170.

¹³ Там же. С. 183–184.

¹⁴ Бугаева К.Н. Воспоминания об Андрее Белом // Две любви, две судьбы: Воспоминания о Блоке и Белом / Вступ. ст. В.В. Нехотина. М.: XXI век – Согласие, 2000. С. 434.

бенность метода, которую Белый обозначил – в соотнесенности с «символом» и «символизмом» – термином «символизация». В эссе «Почему я стал символистом» он пишет об этом «принципе тройственности»:

Так намечаются для меня три сферы символизма: сфера Символа, символизма как теории и символизации как приема. Сфера Символа – подоплека самой эсотики символизма: учения о центре соединения всех соединений; и этот центр для меня Христос; эсотерика символизма в раскрытии по-новому Христа и Софии в человеке <...>; сфера теории – сфера конкретного мировоззрения, овладевшего принципом построения смысловых эмблем познания и знаний; сфера символизации – сфера овладения стилями творчеств в искусстве; в подчинении этой сферы символизма и в подчинении символизма самой сфере Символа изживался во мне принцип тройственности, лежащий в основе пути символизма¹⁵.

Единственное число в слове «символизация» выступает в связке с восходящим движением от образов к прообразам, множественное – с нисходящим, от символа – к символизациям, т. е. стратегия «символизаций» подразумевала свободное использование «чужого слова» и различных «чужих» дискурсов: целых областей знания или искусства, с их градациями, взаимопереходами и т. п. А значит, в ИССД реализована очередная – антропософская – «символизация», при которой суть концепции Белого-критика сохраняется, но одновременно преобразуется, что, в свою очередь, обеспечивает новые прочтения «вечного спутника».

Литература

- Лавров 1988 – *Лавров А.В.* Ф.М. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого: 1900-е годы // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М.: Советский писатель, 1988. С. 131–150.
- Чинкова 2000 – *Чинкова А.И.* Достоевский в восприятии Андрея Белого // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2000. Вып. 15. С. 132–164.

¹⁵ *Белый Андрей.* Символизм как миропонимание / Сост., примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 435–436.

References

- Lavrov, A. (1988), "F.M. Dostoevsky in the creative consciousness of Andrey Bely. 1900s", in *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva: Stat'i. Vospominaniya. Publikatsii* [Andrey Bely: Issues of creative work. Articles. Memories. Publications], Sovetskii pisatel', Moscow, Russia, pp. 131–150.
- Chinkova, I. (2000), "Dostoevsky in the perception of Andrey Bely", in *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and research], Nauka, Saint Petersburg, Russia, issue. 15, pp. 132–164.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; modessky@mail.ru